

ИСТОРИОСОФСКИЕ ТЕМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

L.E.Shaposhnikov

THE HISTORIOSOPHIC THEMES IN THE RUSSIAN SPIRITUAL TRADITION

В статье обосновывается тезис об особом значении историософской проблематики в отечественной духовной традиции. Данный вывод опирается на анализ отличий восточного и западного христианства, именно в силу этого в православии происходит онтологизация истины, появляется стремление реализовать христианские положения в истории.

Ключевые слова: историософия, онтологизм, смирение, соборность, святость, антропология, индивидуализм, эстетизм.

This article substantiates the thesis about the special meaning of the historiosophic problems in the Russian spiritual tradition. This conclusion is based on the analysis of the differences between the western and eastern Christianity and because of it in the orthodoxy the truth becomes ontological and the striving to implement Christian ideas in history appears.

Keywords: historiosophy, ontologism, humility, togetherness, sanctity, anthropology, individualism, esthetic ideals.

Интерпретация истории является важнейшей темой русской мысли, и можно согласиться с Н.А.Бердяевым, что «национальное самосознание всегда находит свое философское оформление в построении философии истории»¹. Ее предметом выступает не только трактовка прошлого и ответ на вопрос о его познаваемости, сюда же относятся определение движущих сил исторического процесса, понимание социального идеала и конечных целей развития социума. В этом сложном комплексе идей возможны различные мировоззренческие ориентации, нас же будет интересовать религиозная интерпретация истории. Последняя также неоднородна: лишь в монотеистических религиях – иудаизме, христианстве и исламе – Бог понимается и как творец мира и человека, а значит, и как начало истории. Появляется учение провиденциализма, рассматривающее историю, несмотря на противодействие злого начала, как реализацию планов Божества. Именно с такой установки начинается историософия, т.е. история «приобретает мудрость». Итак, историософия – это религиозно-теистический вариант философии истории, зависящий и от конфессиональных особенностей, и от национальных и культурных традиций того или иного народа.

Особое значение в созидании самобытных особенностей русского народа имело крещение Руси в 988 г. при князе Владимире. Если предшествующий этап заложил этнические основы этого процесса, то восточное христианство сформировало мощное здание национальной культуры, своеобразие русского менталитета и отечественных духовных традиций в целом.

В 1054 г. происходит формальный раскол христианства на православие и католицизм, однако типологические особенности этих направлений сформировались еще раньше. С нашей точки зрения, именно особенности восточного христианства способствовали превращению историософской проблематики в ведущую тему отечественной духовной традиции.

Одной из разграничительных черт между православием и католицизмом является различное отношение к природе, к космосу в целом. В христианстве встречаются и переплетаются две тенденции, по-разному трактующие отношение индивида к

---

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2005.

окружающему миру. Первая – ветхозаветная, рассматривающая человека как «хозяина твари», как повелителя растительного и животного миров. Вторая – новозаветная, делающая акцент на необходимости любви к окружающему миру. Приобретая христианские качества, спасая свою душу, человек тем самым и других людей спасает, и всю тварь делает сопричастной вечной жизни. Как в Ветхом, так и Новом заветах четко проводится мысль об ответственности человека за «братьев наших меньших». Но если в первом случае она обусловлена идеей «владычества», то во втором случае – практикой любви к твари. Западное христианство усваивает ветхозаветную традицию, в нем индивид и природа противостоят друг другу. Активность людей и, прежде всего, их интеллектуальные способности призваны подчинить низший уровень высшему, разумному, началу. Католическая традиция устанавливает жесткую иерархию «ступеней совершенств», существующих в мире. Природа, животный мир, язычники, христиане, ангелы, бог – основные ступени этой градации. Причем данная иерархия подчеркивает, что чем дальше от природы, тем ближе к богу, а значит, тем совершенней. Поэтому на Западе долгое время не понимали эстетического значения природного начала, там сохранялось равнодушие к красоте тварного космоса. По отношению к природе утверждается подход, при котором она начинает рассматриваться как средство удовлетворения материальных потребностей человека, лишается самоценности. Происходит подчинение духовных ценностей вещным интересам, а «успехи истории» трактуются с утилитарных позиций.

Иной была ситуация в русской православной традиции, опирающейся на новозаветный принцип любви к природному миру. Эта традиция была дополнена языческими представлениями восточных славян о единстве человека и природы. В результате природа, плоть получают сакральное значение, причем подобный подход не проявляется лишь «в теории» – он закрепляется и в обрядовой практике. Не только природа, не только человек и его история, но и сама религия начинают оцениваться с эстетической точки зрения.

Не случайно послы князя Владимира, «испытывающие веры», отвергли западное христианство, ибо видели «многие их службы, а красоты никакой не видели». И, напротив, византийское богослужение приводит их в восторг, вселяет уверенность, что «нет на земле такого зрелища и красоты такой», и они уже не смогут «забыть красоты той, ибо каждый, кто вкусит сладкого, не возьмет горького. Так и мы не можем уже остаться прежними»¹.

Итак, эстетический критерий оценки явлений становится важнейшим фактором при «выборе веры», а значит, и исторической судьбы народа. При этом важно подчеркнуть, что эстетические оценки в русской традиции связаны, прежде всего, с «красотой духовной», то есть они подчеркивают приоритет духовных ценностей перед материальными, выступают против утилитаризма. Подобные установки не остаются только в сфере сознания, они проявляются в историческом процессе, формируют определенную ценностную ориентацию.

Одной из важнейших разграничительных черт православия и католицизма выступает сотериология, или учение о спасении. Западное христианство, опираясь на Римское право, разработало юридическую теорию спасения. Бог выступает в ней в виде судьи, а человек – подсудимого, который оправдывается перед творцом добрыми делами. Была строгая градация «добрых дел», и нравственное богословие католической церкви выработало и рационально обосновало программу поведения индивида. В общем виде схема богоугодного поведения включала в себя следующие уровни: постижение истин откровения при помощи их рационального осмысления; разработка на их основе нравственных норм; наконец, усвоение этих норм верующими путем церковного воспитания. Иными словами, религиозные истины опосредованно влияли на деятельность людей. Разрыв между «словом и делом» в западном христианстве особенно стал заметен с XI в., когда появляется учение об индульгенции, дополненное впоследствии концепцией о сверхдолжных делах (*opera supererogationis*). Суть заключалась в том, что, последовательно используя юридические

---

¹ См. Повести временных лет. (Лаврентьевская летопись). Арзамас. 1993. С.93.

нормы в учении о спасении, католические богословы приходят к выводу о наличии «святых угодников Божиих», которые стремились в своей деятельности осуществить не только минимум христианских требований к человеку, сводимых к исполнению заповедей, но и максимальные требования Священного писания, заключенные в «евангельских советах». В силу этого они приобретали «великие земные заслуги», обеспечивающие не только их собственное спасение, но и вместе с «преизбыточествующими деяниями» Иисуса Христа и Девы Марии составляющие церковную сокровищницу сверхдолжных дел. Право распоряжаться этим «богатством» получил Римский папа: именно он путем продажи индульгенций передает «излишние добрые дела святых» тем людям, у которых не хватает своих заслуг для обретения вечного блаженства. Иными словами, принадлежность к вере и «жизнь по вере» начинают в западном христианстве все более друг с другом расходиться. В результате религиозная и социальная сферы все более обособляются друг от друга, наконец, появляется гуманизм, поставивший в центр своих идей проблему самоутверждения человека на земле. Геоцентризм уступает место антропоцентризму, религия же превращается в «один из элементов культуры». С появлением протестантизма, который, по словам М.Вебера, выступает с программой «расколдования мира», эта тенденция становится еще более заметной.

Православное учение о спасении исходит из понимания процесса нравственного совершенствования как процесса «обожения», т.е. преобразования человека. Индивид не просто разумом познает «истины откровения», но «входит в истину». Отсюда понятно, что истина носит не только гносеологический, но и онтологический характер: она не может оставаться лишь в сфере теории, она «причастна бытию», т.е. истории.

При этом антропология восточных отцов церкви, признавая дуализм души и тела, в то же время отмечает, что обожение предполагает не только преобразование духа, но и плоти. Иоанн Златоуст специально подчеркивает, что только еретики утверждают будто «тело и не сотворено Богом». В действительности, хотя плоть и ниже души, «но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но как гусли музыканту и как корабль кормчему, так и плоть подчинена душе»¹.

Процесс обожения не мог ограничиться лишь сферой индивидуального бытия человека. Личный пример высоконравственной жизни, реализация на практике принципа любви к ближнему с неизбежностью приводят к воздействию праведников на общество в целом. Однако в истории христианских народов было много примеров жестокости, варварства, богоборчества и других негативных явлений. Особенно для русских важна история Византии, ибо от нее они получили «дар христианства». Социальная жизнь этой державы полна противоречий: здесь и «выдающиеся проявления святости», здесь и масса «чудовищных грехопадений», и нарушения христианских заповедей. По мнению архимандрита Киприана (Керна), «спорить не приходится: было и то и другое, но не было одного – равнодушия к церкви, к религии, к загробной судьбе»². Эту же оценку можно перенести и на Древнюю Русь, в которой было много «греховной мерзости», но не было индифферентизма по отношению к духовной жизни, к церкви. Эта тенденция сохранялась на всех этапах развития России, в то же время на Западе по мере научного и технического прогресса подлинная духовность все более и более подменяется различными суррогатами. В результате начинают распространяться «массовые нигилистические настроения, включая равнодушие к окружающей среде, к собственной жизни и потомству»³.

Мы далеки от стремления идеализировать историю России и историю Русской православной церкви, но именно духовный онтологизм, присущий восточному христианству, приводит к особому почитанию святых и святости – как концентрированного выражения положительных духовных качеств. Святые уже на земле смогли стать «сотрудниками» Богу,

¹ Цит. по Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С.169.

² Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. С.17.

³ Бабихин В.В. Новый ренессанс. М., 1998. С.131.

реальными свидетелями «жизни в духе». А поскольку, как мы уже отмечали, индивидуальное совершенствование оказывает влияние и на развитие социума, то синтез личностного и социального идеалов приводит к появлению образа Святой Руси.

При этом в реальном историческом процессе всегда ощущалось несоответствие «эмпирической России» ее идеалу. И прав известный исследователь духовности Руси В.Н.Топоров, отмечавший, что, несмотря на этот разрыв важна «направленность на святость вопреки всему, признание ее высшей целью, сознание неразрывной – на глубине – связи с нею и вера во всеобщее распространение в будущем»¹. Благодаря онтологизму в ходе осмысления отечественной истории появляется учение об особом значении русского этноса в сохранении христианской истины. Речь идет о формуле старца Филофея «Москва – Третий Рим»²

Согласно этой точки зрения все христианские государства потеряли истинную веру и «затоплены неверными». И есть «только одного государя нашего царство благодатью Христовой стоит». В этой связи понятен процесс формирования мессианского сознания, связанного с признанием исключительной роли русского этноса в мировом развитии и его особого места в историческом процессе. Эта тема стала одной из доминантных для отечественной мысли.

Следующая проблема, на характеристике которой хотелось бы остановиться, рассматривая специфику русской историософии, – это соотношение индивида и социальной группы (или единичного и общего) в историческом процессе. Западное христианство в силу ярко выраженной рационалистической струи имеет четкие формулировки большинства религиозных тезисов. Богословские споры, уточняющие те или иные положения церковного учения, проходили «в понятийной сфере» и апеллировали к разуму отдельного человека. Православие в силу преобладания идеала целостного знания по многим важным проблемам не имело однозначных, четко сформулированных, рациональных определений. С одной стороны, такая ситуация приводила к разнообразным мнениям в рамках церковного богословия, а, с другой стороны, аргументом в истинности того или иного тезиса становилась не логическая доказательность, а его распространенность в «церковной ограде». К тому же в православии в отличие от католицизма нет первосвященника, которому бы приписывалась, уже в силу должности, непогрешимость. Патриарх – первый среди равных по благодати архиереев, и высшим авторитетом в делах веры было соборное решение. Так возникает «соборный характер» русского православия.

Однако не только церковная, но и социальная практика, и этническая ситуация формировали принципы соборности. В.О.Ключевский справедливо отмечал, что образ жизни в том или ином государстве зависит от двух условий: «1) от свойства страны, которую занимает народ; 2) от внешних отношений народа, от его международного положения»³. «Свойства страны, прежде всего неблагоприятные климатические условия, «трудные земли» требовали объединения усилий крестьян, взаимопомощи. Отсюда такая прочность общинных начал в среде русских крестьян. Причем община выполняла не только хозяйственную, но и воспитательную роль, выступала хранительницей традиций. Не случайно на Руси община на первых этапах своего развития часто соотносилась с православным приходом»⁴.

Соборное сознание формировалось и в результате межэтнического общения, ибо Россия всегда была многонациональной страной, и тот факт, что этносы, в нее входящие, сохранили свою культуру, свои традиции, показывает, что в едином государстве «уживалась множественность». Соборность связана с толерантным отношением к проявлениям самобытных начал у других народов, населяющих наше отечество.

¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. М., 1995. С.11.

² См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV-первая половина XVI веков. М., 1984. С.453-455.

³ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.6. М., 1989. С.191.

⁴ См.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С.7-20.

Основополагающим принципом соборности является органическое сочетание единичного и общего, единого и разнообразного, она есть «единство во множестве». Соборное единство предполагает принятие людьми, в него входящими, общих высших ценностей при сохранении неповторимых черт каждого отдельного человека или этноса в целом. Соборность выступает как против индивидуализма, разрушающего человеческую солидарность, так и против светского коллективизма, нивелирующего личность, – она синтезирует эти феномены, включая в себя их лучшие качества и преодолевая недостатки.

В России индивидуализм (в силу отмеченных выше обстоятельств) не получил заметного развития. Личностное начало в истории хотя и существовало, но носило подчиненный характер по отношению к церкви и государству. Эта тенденция стала поводом для утверждения, что «русский народ – это народ рабов, безропотно покоряющийся власти». Уже немецкий дипломат С. Герберштейн, посетивший Россию в начале XVI в., в своих «Записках о московских делах» писал о русских, что они находят «больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе». Этот тезис стал ключевым в различных русофобских концепциях, распространяется он и в современном мире. Причем интересно отметить, что, начиная с П.Я. Чаадаева, его пропагандировали не только иностранцы, но и «русские по имени». Однако объективный анализ отечественной истории и специфических черт русского народа показывает полную несостоятельность данного утверждения. Мы уже отмечали, что соборность не устраняет индивидуальных особенностей личности, более того, принятие какого-либо положения за соборную истину требует от человека, «вошедшего в истину», максимальных усилий по ее реализации.

Да, русский народ отличается терпением и смирением, но эти качества не имеют ничего общего с рабской психологией. Как справедливо пишет В.Н. Топоров, «смирение обозначает не только соответствие мере, соразмерность ... но и сознательное помещение себя ниже меры, что, естественно, является заданием высокой, очень высокой меры, никогда недостижимой, но всегда целесообразующей и путеводной»¹. Итак, смирение базируется на активном стремлении к совершенству, на желании человека «созидать в себе, насколько это возможно, образ божий». В таком контексте понятно, что смирение не противоречит исконно славянскому свободолюбию, но свобода при этом понимается не как своеволие, не как индивидуальное самоутверждение, а как сознательное следование высшему идеалу, опирающемуся на православное понимание смысла человеческой жизни.

Наконец, последний вопрос, который мы хотим проанализировать и который имеет очень важное значение для формирования отечественной историософии, – это оценка народом роли государства. В истории России православие всегда было не только определенным вероучением, опирающимся на Никее-Царьградский символ веры, но и образом жизни, в который органично входило особое отношение к государству. История нашего отечества свидетельствует о том, что «мало тишины было в Русской земле». Сохранение национальной независимости требовало не только «собрания» материальных и политических сил русского народа, но необходимо было, чтобы этому процессу «дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы»². Иными словами, укрепление отечественной государственности должно было иметь идейное обоснование, которое опиралось бы на православную традицию.

Государство в России рассматривается не только как политическое учреждение: образ Святой Руси, идея старца Филофея «Москва – Третий Рим», как уже отмечалось, придавали ему и духовное значение. Отсюда понятно, почему «Царству правды» приносились сознательные жертвы, а служение его интересам было «выше всех личных устремлений».

Конечно, в народном сознании было понимание того, что существует определенное расхождение между реальным бытием государства и идеальным представлением о Святой Руси. Но важно то, что идеал был задан и с его позиций оценивались исторические процессы,

---

¹ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.2. М., 1998. С.551.

² Ключевский В.О. Литературные портреты. М., 1991, С.249.

происходящие как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому, когда народ усматривал в государственной деятельности отход от православных ценностей, эта политика вызывала активное неприятие. В этой связи заслуживают внимания переходные этапы отечественной истории: период «смутного времени», движение старообрядцев, петровские реформы, Октябрьская революция 1917 года, распад СССР. Хотя в нашу задачу не входит их анализ, для пояснения нашего тезиса мы остановимся очень кратко на рассмотрении периода «смутного времени».

Среди многочисленных причин, породивших «смутное время», исследователи, как правило, единодушно называют одну – это кризис власти, подрыв доверия к ней. Государство потеряло «национальную идею» и начинает восприниматься как «некая темная сила». Поколебленная вера, как отмечает С.М.Соловьев, заменяется суевериями, и русские, «потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему»¹. В результате государство превращается в какую-то «бесформенную мятущуюся Федерацию», кажется, что его история заканчивается. Но происходит непонятное, на первый взгляд, явление: на Руси «начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли». В обновленном государстве снова видится сила, осуществляющая на земле «правду Христову». Православие в этом процессе «восстановления веры» играет важнейшую роль, так как иноземцы воспринимались не только «захватчиками чужой земли», но и «вечными врагами» подлинного христианства.

Следовательно, в русской истории отношение к государству было не столько проблемой политической или правовой, сколько религиозной. Отсюда понятно, что патриотизм приобретает религиозную санкцию, он становится важным признаком православности. Конечно, в современном мире ситуация изменилась, однако отечественная историософия убеждает нас, что без восстановления авторитета государства кризисные тенденции в России преодолены быть не могут.

Самобытность отечественных традиций, выразившаяся в особом значении духовных ценностей и эстетических оценок в жизни людей, в онтологизме, стремящемся реализовать истину в истории, в соборных принципах, в громадной роли государственного начала как в нашем прошлом, так и в настоящем, отразилась в русской историософии, обусловила ее своеобразие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабахин, В.В. Новый ренессанс / В.В.Бабахин. – М., 1998.
2. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы / Киприан (Керн). – М., 1996.
3. Клибанов, А.И. Духовная культура средневековой Руси / А.И. Клибанов. – М., 1996.
4. Ключевский, В.О. Литературные портреты / В.О.Ключевский. – М., 1991.
5. Ключевский, В.О. Сочинения в девяти томах / В.О.Ключевский. – М., 1989. – Т.6.
6. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV-первая половина XVI веков. – М., 1984.
7. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М.Соловьев. – М., 1989. – Книга IV.
8. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В.Н.Топоров. – М., 1995. – Т.1.
9. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В.Н.Топоров. – М., 1998. – Т.2.

© Шапошников Л.Е., 2013

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга IV. М., 1989, С.450.